

Лидия Краснощекова

В кои-то веки всё было заново:
Киномомент из работ Кустурицы.
Ночь закруглялась. А сон обманывал.
Я вышла затемно вниз по улице -
Мимо кричал устаревшей мимикой
Первый несчастный с помятой рожею...
Если и время, такое прыткое,
Не ускользнуло от груза прошлого,
Видно, небесная гладь тонирована.
Очень красиво, но где гарантия?
Улица наполнилась магазинами
И раскрывала свои объятия.
А пешеходы казались кислыми.
Шли - и кидались друг в дружку взглядами.
Касса устало сорила мыслями:
"Ишь разгулялись, враги проклятые!"
Видно, играло в тот день по-крупному,
Каждого будущим обеспечило,
Утро, насколько сиюминутное,
Настолько искреннее, и - вечное.

Папе

Рядом теплится жизнь. Твое сердце, меж нас заточенное,
Свято верило в то, что ты сам все способен постичь.
Этот мир безусловно вперед продвигают ученые.
Только все остальные творят несусветную дичь.
Где ты нынче? В каком неизвестном земле измерении
Распиваешь за вечную жизнь свой любимый коньяк?
Ты свободнее там? Пусть проблемы бессмертным неведомы!
Пусть ты там не один. Я молюсь, чтоб все именно так.

МИХАЙЛОВА 22

Где люди не умеют говорить,
а сказки разбиваются о скалы,
есть хижина, и на ее двери
есть надпись - эпитафия печали.
Дверь опечатана. Поступки не слышны.
Молчат как мертвые все некогда живые.
И кажется, что только кашляни,
тебя осудят - вора, дебошира -
единодушным голосом толпы.
Слышны сквозь стены хижин плач и стоны.
От человека остается пыль,
и в ней живут рабочие районы.

Живы.

вместе до дрожи.

До трещины в мозге костей.

На трезвучиях жилок

трезубцем

играя в миноры,

оставляя без кафеля ванну,

без вальса - паркет,

уходя набекрень,

в тыл, где слышится плач Айседоры,

возлюбя.

[Моя нежная]

-Страстно...

(в подобном ключе

мало кто подойдет,

Это редкость,

а этот - мужчина)

...обязательно в такт

я люблю тебя. Боже, зачем?

Алой буквицей выгнуться

в ноги чужого зачина.

Ты жуешь липкий мрак городов,

как жвачку,

одна,

точно зная,

предчувствуя,

подстерегая засаду.

Исполняешь стриптиз -

и в башке отступает туман.

"Чика, джигу задай!"

прямо здесь -

в мерзлоте метастрады...

Нарисуетя же в полный рост,

не дождавшись, пока

освистаешь побудкой

мелодию дикого ветра,

Ленинград через край.

И залезет на летний закат.

Всем в раю наплевать на партийность

погонного метра.

У любви есть три длинных хвоста.
Они тянутся по земле,
Выдавая любовь навсегда
За счастливый конец. Отсель
И докуда кляча любовь
По уставшим путям небес
(Незабвенно одна) бредет,
Всё земное имеет вес.
Вместе с весом приходит боль.
Уже несколько тысяч лет
Эта лошадь ведет домой,
Раз за разом путая след.
И сбивает людей с коней,
И роняет людей лежать,
им на плечи накинув шаль.
Лишь за то, что пошли за ней.

Я таким тебя слышала -
И родным невдомек.
По-над сизыми крышами
Твой брыкался дымок,
В реверансе всевышнему
Изгибаясь... Вдали
Темновато и призрачно,
Но плевать. Ты дымил.
Мы парили над крышами!
Мы стояли одни.

Дым насиловал комнату.
С твоей лёгкой руки
Я себя перевернутой
Ощущала. Чулки
Находились за форточкой,
Забывалась тоска.
Нам малюсенько, столечко -
Рейс до самых до Тоскан...
Шаг - и мат. Два - за форточку.
Три глотка.

Темновато и призрачно,
Что врагу невдомек:
Только я тебя слышала.
Чепухою дымок
Над потертыми крышами
Завирался во в мглу...

Говорят, мы обычные
Фантазерка и плут.